

Н. А. Купина  
Екатеринбург, РоссияN. A. Kupina  
Ekaterinburg, Russia**СОВЕТСКИЙ КОНФОРМИЗМ  
В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА****SOVIET CONFORMISM****AS REFLECTED IN THE LANGUAGE**

**Аннотация.** На материале политического языка советской эпохи рассматриваются институциональные практики конформизма и связанные с ними лингвистические технологии, предлагается типология выявленных политических практик, устанавливается их функциональный диапазон.

**Abstract.** The article investigates institutional practices of conformism and the linguistic technologies based on the Soviet time political language. The author presents typology of distinguished political practices and describes their functional range.

**Ключевые слова:** конформизм; конформность; идеологема; политические практики; лингвистические технологии; идентичность.

**Key words:** conformism; conform; ideologeme; political practices; linguistic technologies; identity.

**Сведения об авторе:** Купина Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка.

**About the author:** Kupina Natalia Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Rhetorics and Stylistics of the Russian Language.

**Место работы:** Уральский федеральный университет имени первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина.

**Place of employment:** Ural Federal University named after Boris Yeltsin.

**Контактная информация:** 620000, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, каб. 312.  
e-mail: natalia\_kupina@mail.ru.

Слово *конформизм* в политическом языке советской эпохи не было идеологически востребованным. Оно не зафиксировано, в частности, толковым словарем под редакцией Д. Н. Ушакова [ТСУ 1935, I] и четырехтомным «Словарем русского языка» [МАС 1983, II]. Отсутствует это слово во многих однотомных философских словарях, предназначенных для широкой аудитории. Например, словарь, вышедший после XXI съезда КПСС и имеющий «характер справочного пособия» [Философский словарь 1963: 3], не дает специальную справку о существовании конформизма. Тот факт, что слово *конформизм* не использовалось как актуальная идеологема, подтверждается его отсутствием в обобщающем лексикографическом издании — «Толковом словаре языка Совдепии» [Мокиенко, Никитина 1998]. Вместе с тем уже на ранних стадиях формирования «языка революционной эпохи» [Селищев 1928] появились лексемы, передающие *неодобрительное, презрительное* отношение к человеку, «меняющему свои взгляды, привычки в зависимости от обстоятельств, к которым он приспособливается» [ТСУ 1939, III: 851]. Существительное лица *приспособленец* отмечается лексикографами как *новое*, собственно советское, имеющее синонимы *двурушник, конъюнктурщик, оппортунист, соглашатель, перерожденец*.

Негативной коннотацией охвачена также семантика отвлеченного существительного *приспособленчество*, выступающего в большинстве современных словарных дефиниций в функции идентификатора значения лексемы *конформизм* [Крысин 2005: 394; Толковый словарь русского языка 2008: 301]. Тот же идентификатор находим в философских словарных

дефинициях: *конформизм* — «*приспособленчество*, пассивное принятие существующего порядка вещей, господствующих мнений...» [Философский словарь 1987: 216]. Этимологические латинские и французские аналоги — *подобный, сообразный; принять надлежащую форму* — обнаруживают результат приспособленчества как процесса.

Эскизный анализ словарей убеждает нас в том, что заимствованное слово *конформизм*, в отличие от исконного синонима *приспособленчество*, не входит в активный идеологический лексикон тоталитарного языка [Купина 1995].

Словари синонимов русского языка выделяют номинации, обнаруживающие разное отношение к приспособленчеству и приспособлению. Так, прямооценочность отсутствует в семантике слов *приспосабливаться/приспособление, приравливаться*, а также *присоединяться/присоединение*. Напротив, неодобрительное эмоциональное отношение сопровождает семантику глагольных единиц, не имеющих в политическом языке отвлеченных именных производных (*пристраиваться, подстраиваться, приловчиться, подлаживаться, примазываться*), и семантику исконно русских фразеологизмов *держат нос по ветру, куда ветер дует* [Александрова 1968: 420; Словарь синонимов русского языка 1971, II: 266—267; Словарь синонимов русского языка 1975: 437 и др.]. Отмеченные словари не включают существительное *конформизм* и однокоренное прилагательное в состав синонимических рядов.

Конкуренция экспрессива *приспособленчество* (неодобр.) и нейтральной лексемы *приспособление*, существование эмоционально-оценочных и нейтральных номинаций, обра-

зующих поле «конформизм», демонстрирует зависимость отношения к конформизму от стратегической установки субъекта-действителя. Корысть, лицемерие, хитрость, маскировка истинных намерений, т. е. приспособленчество, осуждается. Не связанные с аморальными мотивами приспособление, присоединение находятся вне зоны эмоционального оценивания. Вот почему оправданной в лексикографической практике является замена идентификатора *приспособленчество* идентификатором *приспособление*, способствующая нейтрализации понятийного значения слова *конформизм*: «**приспособление** к общим настроениям, господствующим взглядам, мнениям...» [Бакеркина, Шестакова 2002: 131].

В языковой картине мира, которая представляет собой «совокупность презумпций единиц... языка» [Шмелев 1911: 28], прослеживается определенная закономерность: презумпция *приспособления* выступает как условие выживания. Действительно, можно ли было после революции 1917 г. жить в России, не приспособившись к новым социально-политическим реалиям? Ответ на этот вопрос очевиден. Социалистическая революция стимулировала образование особой социальной общности советских людей. Советский человек, будучи типичным представителем этой общности и носителем новояза, на базе которого формировались идеологические предписания, вырабатывались принципы идеологической поляризации, декларировалась безальтернативность ценностных предпочтений, вынужден был отвечать существующим идеологическим требованиям, приспосабливаться к институционально внедряемым поведенческим ориентирам, следовать пропагандируемым идеологическим образцам. В этом смысле можно говорить о закономерности личностных и групповых конформных реакций как социально-психологическом явлении, обусловленном институционально. Конформность свидетельствует о стремлении индивида освоить новые нормы, сориентироваться в институционально одобряемых ценностных предпочтениях, установках, стереотипах советской социально-политической системы.

Конформность и конформизм неразрывно связаны. Презумпция приспособления релевантна не только для рефлексирующего субъекта или групп субъектов, но и для политических институтов. Революционный переворот декларирует полное разрушение прошлого (истории, государственного строя, традиционного образа жизни, религии, культуры, искусства, морали, национального характера и др.), но фактически не может обойтись без наследия как надежного источника социально-политического согласия. Именно поэтому возникают отраженные в языке институциональные практики конформизма. Следует согласиться с А. П. Чудиновым [Чудинов 2006] в том, что ин-

ституциональность и личностность — объективная константная данность лингвополитического пространства.

Примером конформности как аспекта социализации, предполагающей усвоение индивидуом послереволюционных норм и ценностей, может служить тенденция формирования новой советской ономастики [Бондалетов 1983]. Личные имена типа *Энгелен* (из сочетания *Энгельс* и *Ленин*), *Марлен* (*Маркс* и *Ленин*), *Сталина*, *Сталий* (от *Сталин*) и т. п. отражают стремление следовать революционным образцам, идеалам; личные имена типа *Авиация*, *Тракторина* утверждают осознание ценностей технического прогресса.

Мифологизированное представление о магической пропускной силе онимов в мир хозяев жизни воплощено в романе В. Пелевина «Омон-РА»: *Омон* <...> *меня так назвал отец, который всю свою жизнь проработал в милиции и хотел, чтобы я тоже стал милиционером.* — *Пойми, Омка, — часто говорил он мне, выпив, — пойдешь в милицию — так с таким именем, да ещё если в партию вступишь...Ср.: Пхадзер Владиленович Пидоренко <...> Его отец назвал сына по первым буквам слов „Партийно-хозяйственный актив Дзержинского района“.* *Кроме того, в именах Пхадзер и Владилен было пятнадцать букв, что соответствовало числу советских республик.*

Защитная конформная реакция, за которой стоит наивная вера в магию имени собственно, говорит о наличии стратегии презентации, направленной на маркировку «своего», «нашего», заслуживающего безусловного доверия и поощрения.

Проследим разновидности институциональных практик идеологического конформизма, воспользовавшись материалами «Толкового словаря языка Совдепии» [Мокиенко, Никитина 1988], из которого методом сплошной выборки были извлечены слова и словосочетания, в значениях которых содержится семантическая доля «конформизм» («приспособление»/«приспособленчество»). В статье приводятся типовые иллюстрации.

1. ПРИСПОСОБЛЕНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГЕМЫ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА К РЕАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВА. Если диктатура предполагает ничем не ограниченную государственную власть господствующего класса, то проявлением конформизма следует признать идеологически правильные синтагмы, в которых равноправно соединены номинации двух разных классов: *союз рабочего класса и крестьянства, два дружественных класса — рабочий класс и крестьянство.* Сочинительная синтагма варьируется: *рабочие и крестьяне; представители рабочего класса и колхозного/трудового крестьянства.* При этом аномальной является обратный порядок слов: неправильным будет сочетание *крестья-*

яне и рабочие. Идеологически неправильным будет построенное по **аналогии** сочетание *крестьянский класс*. Лингвистическая технология: сочинительное словосочетание, усиленное лексемами, передающими идею единения: **нерушимый союз рабочего класса и крестьянства; смычка города и деревни** и др.

Компрессия идеологемы *рабочие и крестьяне* приводит к образованию частотного сложного двукорневого слова *рабоче-крестьянский*, ставшего неотъемлемым элементом политического языка: **Рабоче-крестьянская Красная Армия (РККА); Рабоче-крестьянский Красный Флот (РККФ)**; менее распространенная номинация — **Рабоче-крестьянская школа (РКШ)**. Лингвистическая технология: сочинительное словосочетание → сложное слово → аббревиатура: *рабочие и крестьяне* → **Рабоче-крестьянская инспекция** → РКИ.

Проявлением классового конформизма являются идеологические стандарты *рабоче-крестьянское государство, рабоче-крестьянская власть*, нейтрализующие идеологему диктатуры пролетариата. Все подобные соединения оправданы сходством, которое осно-



Рис. 1

вано на обязательном наличии смыслов «трудиться», «труд», «трудоустройство»: *трудоустройство, трудовой народ, трудящиеся* (но не *трудоустройство рабочий класс*). Не случайно символом союза рабочих и крестьян, символом власти трудящихся (но не диктатуры пролетариата) стала государственная эмблема СССР — *серп и молот* (рис. 1). Имплицитно конформизм проявляется здесь также в порядке слов (на первом месте — название орудия крестьянского труда). Символизация классового конформизма поддерживается произведениями монументального искусства. Яркий пример — скульптура В. Мухиной «Рабочий и колхозница» (рис. 2).



Рис. 2

Отмеченное семантическое основание оправдывает стандартную трехчленную синтагму **союз рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции**. Атрибутивное сочетание *трудоустройство интеллигенция* может использоваться и самостоятельное, т. е. вне однородного ряда. «Подобие» интеллигенции и пролетариата образно передается сочетанием *пролетарий умственного труда*, которое может употребляться как в единственном, так и во множественном числе. Свидетельство классово-

го конформизма — сочетание *рабочий интеллигент* (о представителе рабочего класса, получившем высшее образование и занимающем руководящую должность). В то же время «подобие» рабочего класса и трудовой интеллигенции не символизируется.

Включение интеллигенции в состав трудового народа — вынужденный компромисс: без людей, обладающих «специальными знаниями в области науки, техники, культуры» [Мокиенко, Никитина 1998: 231], развитие страны было бы невозможным. Кроме того, собирательность семантики идеологем *трудоустройство народ, трудящиеся* не только редуцирует и нейтрализует идеологему диктатуры пролетариата, но и открывает перспективу развития идеи бесклассового общества и, следовательно, способствует развитию мифологемы коммунизма.

Лингвистическая технология регулярного использования синтаксической однородности, подкрепленная внедрением в стандартные высказывания слов с семой единения, обеспечивает структурирование коллективной идентичности нового типа. Представители рабочего класса, крестьянства, интеллигенции должны ощущать себя органической частью трудового народа. Конформизм, таким образом, оказывается на службе государственного строительства.

2. ПРИСПОСОБЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШИХСЯ РЕАЛИЙ СВЕРГНУТОГО ЦАРСКОГО РЕЖИМА К ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ. Данная разновидность конформизма свидетельствует об ограниченных социально-психологических возможностях революционного государственного переворота. Для внушения трудящимся ощущения собственной значительности используется трансформация смыслового наполнения лексических единиц, перешедших в группу историзмов. Лингвистическая технология — перевод прямых значений в переносные. Например: *династия* — «ряд последовательно правящих монархов» и *рабочая династия, трудовая династия* — перен. «о тружениках, передающих из поколения в поколение мастерство, трудовые традиции» [Словарь русского языка 2008: 198]; *знатный* — «принадлежащий к аристократии» и «известный, прославленный своим трудом, трудовыми успехами». Ср.: *знать* и *знатные люди советской страны, знатные люди транспорта* [ТСУ, I: 1109]. В речевом обороте находятся стандартные сочетания с конкретно-личностным значением и акцентированной семой «почетный(ая)»: *знатный забойщик, знатный животновод, знатная птичница, знатная доярка*. Вот типичное извлечение из газеты: *За долгую трудовую жизнь она заслужила звание знатного оленевода*.

Семантика отдельных сочетаний включает идеологические ограничители. Например: *Рабочая аристократия* — «в капиталистических государствах высокооплачиваемые категории рабочих, **оторвавшиеся от масс и**

*находящиеся под влиянием буржуазной идеологии»* [ТСУ, I: 56]. Отметим параллельно, что именно это сочетание вернулось в современный политический язык в период предвыборной агитационной кампании 2012 г. Комментируя идеи кандидата в президенты РФ В. В. Путина, изложенные им в статье «Строительство справедливости. Социальная политика для России», региональная газета на первой полосе публикует материалы под названием «Возрождается аристократия. Рабочая». Существовавшие в языке советской эпохи идеологические ограничители снимаются. Прагматически ориентированное сочетание *рабочая аристократия* приобретает положительную эмоционально-экспрессивную окраску: *Значимой проблемой Путин считает социальное самочувствие рабочих, которые „являются стеновым хребтом любой экономики“, и предлагает построить внутри рабочих профессий „социальные лифты“, воссоздать „рабочую аристократию“ — слой высокооплачиваемых квалифицированных работников, численность которого довести к 2020 году до 10 миллионов человек* (Областная газета. Екатеринбург. 2012. 13.02). Вторая волна конформизма подтверждает объективность идеологического приспособления современных реалий к реалиям прошлого.

Более частный случай рассматриваемой разновидности конформизма проявляется в приспособлении к советским условиям номинаций, выделяющих локусы, закрепленные за представителями свергнутых классов и за царской семьей. Ср.: *помещицья усадьба* и *музей-усадьба; дворец* («место пребывания монарха и его семьи») и *дворец труда, дворец здоровья, дворец бракосочетаний, дворец культуры, дворец молодежи* и др. Лингвистическая технология расширения значения формирует открытый ряд словосочетаний, семантика которых включает идеологическую добавку «предназначенный для народа».

Очевидна компенсаторная функция всех рассмотренных идеологических стандартов, в основе которых лежит идея «подобия».

3. Приспособление свойств стихийности и разрушительности революции к категориям закона и нравственности. Маскировка революционной стихии идеей законности — способ приспособленчества, оправдывающий жертвы переворота 1917 г. Ставшие стандартными сочетания *закон революции, революционная законность, по закону революционного времени, революционная целесообразность* — это идеологемы объяснительного характера: закон предстает как объективно действующий механизм управления стихийным взрывом. Закон не только мотивирует неизбежность жертв, но и предопределяет направление глобальных социально-политических изменений.

В ряду указанных сочетаний может быть рассмотрена метафора *алгебра революции*.

В основе тропа — образная аналогия между революционным процессом, а также марксистским учением о революции и законами математики: «Учение Маркса — современная алгебра революции» (Г. Плеханов).

Маскирует издержки революционного времени институциональное внедрение мифологии коммунизма. Например, культурно-фондовый смысл синтагмы *военный коммунизм* включает ряд императивов: *«запрещение частной торговли, введение обязательной продразверстки, всеобщая трудовая повинность»* [Мокиенко, Никитина 1998: 269]. Модальность долженствования акцентирует идею равноправия членов общества. Романтический орнамент (коммунизм — вдохновляющая мечта, великая цель, царство свободы) заслоняет суровую жизненную правду.

Оправдательная функция конформизма основывается на суггестивности отдельных лексем. Так, ключевое слово языка революции *красный*, внушающее эмоции гордости, победоносности, ликования маскирует террор как объективно осуществляемый метод угроз, насилия, устранения политических противников. Положительная эмоциональная окраска сочетания *красный террор* поддерживается идеей революционной законности и целесообразности.

Сочетания с существительными лица [Мокиенко, Никитина 1998: 165, 190] типа *красный юнкер* (о курсанте военного училища, который *перешел* на сторону советской власти во время революционных событий 1917 г.), *красный директор (буржуазный специалист, перешедший* на сторону советской власти) содержат смысл «принять надлежащую форму». Лингвистическая технология расширения значения, включающая идеологический оксюморон, — соединение политически противоположных понятий («белый» + «красный»; «буржуй» + «советский») — нейтрализует устойчивую дихотомичность: белые трансформируются в красных; «буржуи» — в советских граждан. Революционная романтическая символика надежно маскирует личностную конформность и институциональное приспособленчество.

Рассмотренная разновидность конформизма направлена на реализацию политико-дидактической функции: оправдание кровопролития, жертв гражданской войны, политического предательства социальными законами и личностными групповыми идейно-романтическими устремлениями способствует формированию коллективного (всенародного), отчасти наивно-романтического отношения к революции и сакрализации революции.

4. Приспособление советских политических ценностных ориентиров, идеологических установок и стереотипов к ментально-нравственным национальным традициям и ценностным предпочтениям. За счет атрибутивного сопроводителя, который избирается из лексико-семантической сферы политики и идеоло-

гии, расширяется сочетаемостный диапазон слова *мораль*: *советская мораль, коллективистская мораль, большевистская мораль, коммунистическая мораль*. Обладающая высокой частотностью в политическом языке двукорневая лексема *морально-политический* демонстрирует сращивание морали и политики и одновременно подавляет автономность сферы морали (нравственности). Ментальная категория соборности замещается идеологической категорией морально-политического единства: «*Морально-политическое единство советского общества основывается на марксистско-ленинской идеологии*» [Мокиенко, Никитина 1998: 343].

Идеологическая субституция — полная или частичная — обнаруживается в институционально закреплённых морально-политических нормах. Так, **моральный кодекс строителя коммунизма** представляет собой свод нравственных принципов, подчинённых коммунистическим догмам. Свод этот был спроецирован на задачи коммунистического воспитания, результатом которого становится социокультурный типаж [Карасик 2002: 14—15], соответствующий модели морально-политической устойчивости гражданина советской страны. В деловой документооборот входят заверенные тройкой (комиссией из трех человек) тексты положительных/отрицательных характеристик, в которые включались маркирующие благонадежность/неблагонадежность характеризуемого лица последовательно употребляемые стандартные сочетания *морально устойчивый, политически грамотный / морально неустойчив, политически безграмотен* [Мокиенко, Никитина 1988: 343]. Эти участки документа контролировали личностный результат воздействия институционально разработанной и повсеместно насаждаемой конформистской политической практики.

Идеологическая субституция и идеологическая ортология поддерживаются лингвистическими технологиями направленного расширения лексической сочетаемости, использования словообразовательных механизмов сложения, использования синтаксической однородности для сочетания номинаций идей из разных лексико-семантических сфер.

Обозначения отдельных нравственных понятий отличаются исключительной политической востребованностью. В их числе ментально ценностная категория долга. Устойчивыми становятся атрибутивные сочетания, характеризующие моральный облик строителя коммунизма: *патриотический долг, общественный долг, революционный долг, классовый долг, партийный долг, комсомольский долг, пионерский долг, профсоюзный долг, интернациональный долг, гражданский долг*. Эмоционально акцентированы сочетания с прилагательными, обладающие тональностью высокого: *священный долг, люди высокого долга*

и т. п. Морально-романтический орнамент облагораживает, а в отдельных случаях сакрализирует модальность долженствования, служит для оправдания особого пути страны и советского народа, а также для оправдания ментально не одобряемых поступков отдельного лица или группы лиц. Например, слово *сигнал* оправдывает донос о чьих-либо политических ошибках [Ильенко, Максимова 1968: 271]: *получен сигнал, по сигналу комсомольца, сигналы о политической диверсии* и т. п. Политическая технология доносительства, основанная на идеологической субституции, маскируется нравственной категорией долга.

Политический конформизм способствует формированию общенациональной советской идентичности, основанной на ментально ценностных категориях родства, братства, дружбы. Например, крылатым стало высказывание *Человек человеку друг, товарищ и брат*, составляющее гуманистическое ядро «Морального кодекса строителя коммунизма». Интимно-эмоциональная тональность охватывает идеологически значимые вербальные знаки идентичности с прилагательным *родной*: *родная партия, родной ленинский ЦК, родное государство, родное правительство*. Политические добавки получает концепт «Родина» в стандартных сочетаниях *Родина Ленина, Родина социализма, Родина Советов, советская Родина*. В формировании общенациональной идентичности особую роль играет идеологическая практика, основанная на политизации концепта братства: *братские республики СССР, народы-братья, братство народов СССР/социалистических наций*. Братство мыслится также как союз народов социалистических стран: *братская солидарность, братская помощь странам Варшавского договора*. Например: *Вместе с нами братские страны, страны социализма* [Мокиенко, Никитина 1998: 64]. Таким образом, идентичность общенациональная укрупняется: социалистический выбор государственного развития, общие политические цели и политические воззрения уподобляются семейно-родственным связям и отношениям. Ср.: *дружная семья братских республик СССР и чувство семьи единой* (о народах стран социализма). «Дети разных народов», воспитанные в духе социализма, составляют единую семью. Этническая идентичность растворяется в политико-идеологической.

Вопреки агрессивной антирелигиозности развиваются практики идеологического приспособления к ключевому концепту православной культуры «дух», который мыслится как сущностное начало социалистического мировоззрения: *дух коллективизма, дух коммунизма; в духе великих идей Маркса и Ленина/Коммунистической партии; в духе социалистической законности* и т. п. Духовность, или отрешенность от материальных интересов, жизнь во имя идеи, поглощенность идеями по-

строения коммунизма — приметы институционально сконструированного морально-политического облика советского человека.

Советская политическая ортология характеризуется ориентацией на нормы традиционной морали, которые приспособляются к нормам идеологическим. Политический конформизм, опирающийся на систему определенных лингвистических технологий, способствует формированию и развитию коллективной идентичности, основанной на интернационализме. Морально-политические мировоззренческие нормы выступают как регуляторы стереотипного идеологически «правильного» поведения граждан и отдельного человека. Советский конформизм не только отражается в языке. Он использует язык как средство приспособления к реальной политической ситуации.

Основанные на презумпции приспособления институциональные практики советского политического конформизма нельзя трактовать как пассивное принятие существующего порядка вещей. Советский институциональный конформизм направлен на активное искреннее идейное освоение народом и индивидом советского мира в духе социалистической морали. Приспособление и приспособленчество может осуществляться в пределах единого постреволюционного социально-политического пространства (классовый конформизм). Социальная сущность революции обуславливает необходимость разработки таких институциональных политических практик конформизма, которые приспособляют исторически сложившиеся реалии, традиции к новым социально-политическим условиям и тем самым способствуют социально-психологическому освоению новых идеологических установок. Наконец, приспособление и приспособленчество осуществляется на базе вневременных ценностных ментальных категорий, без которых советская коллективная идентичность не могла бы обрести свою определенность.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондалетов В. Д.* Русская ономастика. — М.: Просвещение, 1983.
2. *Ильенко С. Г., Максимова М. К.* К истории общественно-политической лексики советского периода // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1968. Т. 165.
3. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002.
4. *Купина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Пермь: ЗУУНУ, 1995.
5. *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет. — М.: Работник просвещения, 1928.
6. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика. — М.: Флинта: Наука, 2006.
7. *Шмелев А. Д.* Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвоархизмизма»? // Политическая лингвистика. 2011.4 (38). С. 21—33.

#### СЛОВАРИ

8. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. А. Чешко. — М.: Сов. энцикл., 1968.
9. *Бакеркина В. В., Шестакова Л. Л.* Краткий словарь политического языка. — М.: АСМ: Астрель: Русские словари, 2002.
10. *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Эксмо, 2005.
11. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка Совдепии — СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
12. *Словарь русского языка = МАС*: в 4 т. / АН СССР; под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1981—1984.
13. *Словарь синонимов русского языка*: в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Л.: Наука, 1970—1971.
14. *Словарь синонимов русского языка* / под ред. А. П. Евгеньевой. — Л.: Наука, 1975.
15. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 2008.
16. *Толковый словарь русского языка = ТСУ*: в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1935—1940.
17. *Философский слов.* / под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. — М.: Политическая литература, 1963.
18. *Философский слов.* / под ред. И. М. Фролова. — М.: Политическая литература, 1987.

**Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов**